

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

УДК 1(051)
ББК 87.3(2)

Андрей Борисович Бочаров

Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: bocharov-ab@tanepa.ru

Между имперским и постимперским дискурсом: идеи империи и революции в оптике исследователей XXI века (Рец. на: *Идея империи и идея революции в русской философии и культуре XIX–XX веков: коллективная монография / отв. ред. И.И. Евлампиев. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 420 с.)*)

Аннотация. Анализируется коллективная монография «Идея империи и идея революции в русской философии и культуре XIX–XX веков», содержанием которой является рефлексия по поводу одной из самых интеллектуально острых и сложных контроверз русской истории – проблемы империи и революции. Эта проблема неизменно будирует философскую мысль, заставляя искать объяснение пресловутому «маятнику российской истории», генезису власти, вектору и треку русской истории, являющимся интеллектуальным изводом фундаментальной проблемы – проблемы российской цивилизационной и государственной идентичности. Содержание монографии представляет собой анализ империи и революции – главных концептов, находящихся в фокусе философского интереса и рефлексии в русской культуре XIX–XX вв. Цель работы – демонстрация теоретической востребованности в продолжении анализа концептов «империя» и «революция» и философской рефлексии, их переосмысление и реинтерпретация. Выдвигается тезис о неизменно традиционном историко-философском нарративе (либерализм–консерватизм) и дискурсивно традиционном характере круга тем, проблем и вопросов, в центре которых концепты «империя» и «революция», а также же о неизменно традиционной дуальности и интерпретации концептов «мы–они», «Восток–Запад». Результатом анализа разделов монографии является вывод о эпистемологической и аксиологической ценности концептов «империя» и «революция», эвристической продуктивности работ, связанных с их анализом в контексте тех вызовов, с которыми сталкивается российский социум и государство. Последние могут быть использованы в качестве аналитического инструментария для работ, развивающих и углубляющих проблематику империи и революции на современной историографической основе. Историографической базой исследования стали работы известных отечественных и зарубежных авторов, специализирующихся на этой области гуманитаристики, а методологической основой – герменевтическая аналитика с привлечением дискурса культурологии, политологии, истории.

Ключевые слова: русская идеология, историософия, колониальная империя, идеократическая империя, российский либерализм, русский консерватизм, аналитический дискурс, исторический нарратив

Andrey Borisovich Bocharov

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Sciences, Russia, St. Petersburg, e-mail: bocharov-ab@ranepa.ru

Between Imperial and Post-Imperial Discourse: Ideas of Empire and Revolution in the Optics of XXI Century Researchers

(Res. in: The idea of empire and the idea of revolution in Russian philosophy and culture of the XIX–XX centuries: a collective monograph / Edited by I.I. Evlampiev. SPb.: Izd-vo RCHGA, 2023. 420 c.)

Abstract. The paper analyses the collective monograph: “The Idea of Empire and the Idea of Revolution in Russian Philosophy and Culture of the XIX–XX Centuries”, its content being a reflection on one of the most intellectually acute and complex contradictions of Russian history – the problem of empire and revolution. This problem invariably awakens philosophical thought, forcing it to search for an explanation of the notorious “pendulum of Russian history”, the genesis of power, the vector and track of Russian history, which are intellectual outgrowths of the fundamental problem – the problem of Russian civilizational and state identity. The content of the work is an analysis of empire and revolution – the main concepts that are in the focus of philosophical interest and reflection in Russian culture of the XIX–XX centuries. Its aim is to demonstrate the theoretical demand to continue the analysis and philosophical reflection of the concepts of empire and revolution, with the task of rethinking and reinterpreting them. The thesis is presented about the inexhaustibly traditional historical-philosophical narrative (liberalism-conservatism) and the discursively traditional nature of the range of topics, problems and questions, centred on the concepts of “empire” and “revolution”, with the same inexhaustibly traditional duality of interpretation (“us–them”, “East–West”). The result of the analysis of the sections that make up the content of the monograph is the conclusion about the epistemological and axiological value of the concepts of empire and revolution, and the heuristic productivity of the works related to their analysis in the context of the challenges faced by the Russian society and state. The latter can be used as analytical tools for works that develop and deepen the problems of empire and revolution on a modern historiographical basis. The historiographical basis of the article is the works of well-known Russian and foreign authors specializing in this field of humanities, and the methodological basis is hermeneutic analysis with the involvement of the discourse of cultural studies, political science and history.

Key words: Russian ideology, historiosophy, the colonial empire, the ideocratic empire, Russian liberalism, Russian conservatism, analytical discourse, historical narrative

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.3.113-125

Предыстория: вначале был просто читательский интерес, инициированный заголовком, побудивший обратить внимание на сам текст, являющийся 420 страницей коллективной монографией. Интерес перешел в чтение, в процессе которого возник интеллектуальный и эмоциональный отклик, трансформировавшийся в желание его вербализировать, отделить «рациональные зерна» от «эмоциональных шелух».

Теперь соображения общего порядка. Во-первых, чтение книги сходно просмотру фильма. В восприятии которых лежат сходные закономерности: читательский или зрительский контракт, негласно заключенный между читателем/зрителем и писателем/режиссером, содержание которого – конвенции между сторонами. Читатель выбирает книгу, зритель – фильм, потому что знает, на что он может и вправе рассчитывать: эмоцию, мысль, информацию. Со своей стороны, писатель/режиссер предоставляют интеллектуальный продукт, отвечающий этим ожиданиям. Граничное условие – жанр книги или фильма. Главное – это четкое соблюдение контракта. Положим, если, заинтригованные названием и доверившись аннотации, вы вместо информации получаете очередное переложение уже известного и многократно повторенного, то это можно рассматривать как нарушение условий контракта. Во-вторых, писать рецензию на текст, в создании которого приняло участие много авторов, специализирующихся на разных областях гуманитарного знания, в чьей профессиональной компетенции сомневаться не приходится, было бы верхом интеллектуальной самонадеянности, проявлением неадекватности в анализе (понимание одного не равно пониманию многими). Поэтому статья не столько рецензия, сколько развернутый читательский комментарий с единственной претензией на соблюдение контракта: интригующий заголовок обязан иметь интригующее продолжение. Это, в-третьих.

Заголовок отсылает нас к самому средоточию проблем, центрированных концептами «империя» и «революция». Это предполагает очередные вариации на тему власти- и государствоцентричности российского социума, развивавшегося в тени «имперского зонтика», спекуляции на тему «маятника русской истории», раскачивающегося от оттепели до заморозков, инициирующие интеллектуальное реанимирование общеизвестных выводов и предсказуемых интерпретаций, что, увы, не способно стать триггером, «разгоняющим» читательский интерес. Интеллектуальную настороженность подпитывает само использование концептов «империя» и «революция», традиционно являющихся не столько аналитическими конструктами (концептами), сколько идеологемами, конденсирующими полярность оценок и размежевание взглядов, либеральную и имперскую мифологию (имперский и либеральный нарратив). «Прилетом черным лебедя» может явиться обстоятельство коллективного авторства анализируемой монографии, влекущее вероятность размена многоголосия на разногласие, включая проблемно-тематическую разбросанность, неровность стиля, отсутствие смысловой связи между главами.

Интерес может «подогреться» анализом этих проблем с разных точек зрения, расширением источниковедческой базы, ревизией прежних подходов. Еще одно соображение, касающееся названия монографии: вынесенные в заглавие слова «империя» и «революция» – это концепты, принадлежащие дискурсу историческому и политологическому, но «идея» – это концепт дискурса философского, генеалогия которого связана с платоновским идеализмом и подходом, известным в историографии как эссенциализм. Соответственно, уже само назва-

ние таит угрозу дискурсивной эклектичности. Отчасти авторскую позицию проясняет аннотация, в которой прямо указывается на то, «что империя понималась русскими мыслителями не столько как конкретная форма политического устройства, сколько как представление о совершенном и едином человеческом обществе, имеющем в качестве высшей цели развития созидание высокой культуры. Точно так же идея революции приобретала предельно общее содержание и интерпретировалась как неизбежный религиозно-нравственный переворот, который должно пережить человечество для перехода в совершенное состояние»². Это прямая декларация замысла: приоритет философского (спекулятивно-идеального) подхода над всеми прочими (историческим, политологическим, социологическим). Что настораживает.

В то же время изучение революционно-радикалистского направления, как известно, входило в канон советской историографии русской философии. За последние тридцать лет интерес к осмыслению революции и в целом левой идеологии заметно снизился. Столетие русской революции, отмечавшееся в 2017 г., и юбилей К. Маркса в 2018 г. лишь временно его оживили. Напротив, исследования империи, на первый взгляд, актуализировались. Однако, как и в случае с революцией, их востребованность оказывается политически ангажированной. С этой точки зрения возникает необходимость пересмотра отечественного историко-философского канона и места в нем идей революции и империи³. Актуальность идей революции и империи, или даже только одной из них, ставит вопрос о месте современного исследователя: откуда он смотрит на предмет своего изучения? Приведём цитату: «Историк ведь никогда не находится в некоей идеальной или нейтральной позиции, он неизбежно отягощен культурными стереотипами своей эпохи, своего общества, собственной профессиональной корпорации, и потому в его занятиях неизменно присутствует знание о том, откуда он говорит, каково его место в культуре и каков его индивидуальный профессиональный маршрут» [2, с. 39]. И хотя О.В. Воробьева пишет здесь о собственно историках, к историкам философии это имеет столь же прямое отношение. Проблема коллективной монографии как раз состоит в том, что профессиональные маршруты ее авторов сильно разнятся, им трудно говорить на одном языке, а поэтому слушать и слышать друг друга. Тем труднее выдержать то единство, которое отличает монографию от сборника статей.

Книга состоит из шести глав, четыре из которых соответствуют заявленному названию и аннотации: «Формирование модели идеальной империи в русской общественно-политической мысли XIX–XX веков», «Религиозные основа-

² См.: Идея империи и идея революции в русской философии и культуре XIX–XX веков: коллективная монография / отв. ред. И.И. Евлампиев. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. С. 2 [1]. (Далее в тексте статьи ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.)

³ См.: Дискуссия «Проблемы преподавания истории русской философии в высшей школе» / К.М. Антонов, В.В. Ванчугов, Н.И. Герасимов и др. // Отечественная философия. 2023. Т. 1, № 2. С. 29–73. DOI: 10.21146/2949-3102-2023-1-2-29-73 [3].

ния идеи империи», «Идея революции в русской мысли и ее истоки» и «Петр I и попытка осуществить идеальную модель империи в России: реальность и символическое отражение». Однако название пятой и шестой глав отсылают к истории мировых цивилизаций: «Византийские основания российской государственности» и «Россия и Запад: споры о цивилизационном превосходстве». Они, скорее, принадлежат уже не к философскому, а к историческому дискурсу, не тождественны между собой. Так, основанием философского дискурса является историография (публикации), а исторического – источниковедение (документы). Историк в своих утверждениях и выводах удерживаем документом, а спекуляции философа упираются лишь в границы воображения и здравого смысла. Именно поэтому дескриптивный потенциал истории больше, чем философии. Заключительная шестая глава являет образчик цивилизационной компаративистики, предполагающей владение иными нарративными стратегиями. Большинство глав коллективной монографии ранее были опубликованы в виде отдельных статей и, надо признаться, сохранили известную содержательную и методологическую обособленность в пределах монографии⁴.

Монография открывается объемной вводной статьей И.И. Евлампиева «Закономерности и формы имперского развития человечества». Автор любого «Введения» играет роль интеллектуального модератора, задающего горизонт возможных интерпретаций, подходов и оценок, включая смысловые и ценностные аттракторы, фокусирующие читательский интерес и выступающие своеобразными интеллектуальными, языковыми и ценностными маркерами.

Однако в тексте Введения нет строгих политологических дефиниций, разграничивающих, например, империи идеократии от империй колониальных. Империя связывается с любым метасоциальным образованием, притязующим на культурную и духовную гегемонию. Отсюда утверждение о том, что «Римская империя в весьма значительной степени стала “империей культуры”». Это утверждение экстраполируется на историю христианского средневековья: «Таким образом, окончательным итогом представлений об истории человечества в рамках традиции подлинного христианства стал идеал *империи культуры*, которая должна объединить всех людей и все народы через подчинение их одной цели – раскрепощению божественного духа в человеке и созданию высокой культуры» (с. 14). В качестве итоговой формулировки можно привести следующие цитаты: «Американская империя с ее абсолютным господством материальных ценностей оказалась полной противоположностью романтической империи культуры, ее победа стала знаком радикального кризиса западной цивилизации» и «Нынешнее противостояние России и Америки только кажется происходящим от сиюминутных политических причин, на деле же оно отражает абсолютную противоположность двух путей развития цивилизации» (с. 16). Этот вывод, продиктованный логикой традиционного нарратива («Запад–Восток», «мы–они»),

⁴ См.: Идея империи и идея революции в русской философии и культуре XIX–XX веков. С. 8.

является закономерным и... предсказуемо-ожидаемым. Сама же логика анализа статьи И.И. Евлампиева является экспликацией продекларированных в аннотации положений.

Большая часть разделов монографии написана И.И. Евлампиевым, что указывает на решающий интеллектуальный вклад ответственного редактора. Он – автор одиннадцати разделов (статей): «Закономерности и формы имперского развития человечества», «Происхождение истинного христианства из духа Римской империи и его историческое предназначение», «Духовные основы общества и государства в учении Б.Н. Чичерина и в традиции русского либерализма», «Идея “народной монархии” А.С. Хомякова и И.В. Киреевского», «Путь к совершенному государству в философии Платона и Фихте и в “Розе мира” Д.Л. Андреева», «“Неизбежный нравственный переворот” и политическая революция в русской общественно-политической мысли», «Образ св. Франциска Ассизского и идея “духовной революции” в русской философии начала XX века», «Византизм как проблема русской философии», «Русская философия об исторической обреченности либеральной цивилизации», «Русская философия об историческом предназначении России: всемирная империя или всемирная революция?» и «Россия и Запад: споры о цивилизационном превосходстве». Проблемно-тематический охват (от русской философии до «Розы мира» Д. Андреева и Франциска Ассизского) свидетельствует о том, что автор этих разделов является бесспорным интеллектуальным фронтменом монографии. По их прочтении проникаешься мыслью, что прошлое России и есть ее настоящее или настоящее – это интеллектуальный, ценностный и языковой косплей прошлого. Препозиции от Введения до Заключения, включающие все статьи И.И. Евлампиева, так сказать, в концентрированном виде являют образчик философского дискурса. Само притязание рассматривать империю (шире – феномен имперскости) в области ценностно-идейной, а не материальной (территории, материальные ресурсы) это только подтверждает. Империя в интерпретации И.И. Евлампиева есть не столько масштабирование территории, сколько продуцирование идей, генерирование смыслов. Топология не пространств, а идей, не километров, а ценностей! Философский характер текстов подтверждает и тип аргументации, апеллирующей к философам же (В.В. Библихин, А.И. Герцен, В.К. Кантор, К.А. Свасьян, С.Л. Франк, П.Я. Чаадаев), и использование эссенциалистского подхода, предполагающего нахождение (усмотрение) сущностей (например, империи или революции). Симптоматично, что в текстах совершенно отсутствуют упоминания сборника «Вехи» (1909 г.), нет ссылок на него, хотя он стал интеллектуальной реакцией на революцию 1905 г. Последнее объяснимо, так как содержание сборника – это разрыв с традицией (в частности, интеллектуальное посрамление интеллигенции, традиционно отождествляемой с «совестью нации»). В интеллектуальном анамнезе разделы монографии, скорее, представляют современный извод традиционализма, манифестацию привычного нарратива, господствовавшего в России XIX в., репрезентацией которого в философии является славянофильство,

в литературе – почвенничество и журналы «Москвитянин» и «Время», а в XX в. – «деревенская проза» (В. Распутин, В. Астафьев) и журнал «Наш современник». Иными словами, в монографии мы видим воплощение не перспективного, а ретроспективного мышления и ту крайность, которую в терминологии А. Ассман следует отнести уже не к «забвению истории», а к «одержимости историей».

К текстам, репрезентирующим тот же религиозно-философский дискурс, относятся статьи И.Р. Тантлевского «Библейские концепты государственно-имперского строительства. К постановке вопроса о выявлении их влияния на постулаты российской государственности», «Библейский коррелят наименования “Россия” и его роль в обосновании доктрины “Москва – Третий Рим”», «Еврейство и христианский вопрос». Автор рассматривает концепцию В.С. Соловьева о создании в Российской империи единой православно-католическо-иудейской общности на «теократической основе». Работы И.Р. Тантлевского в максимальной степени корреспондируются с подходом И.И. Евлампиева, и оба автора солидарны в том, что генезис империи, ее истоки, существование разворачиваются в сфере надматериальной. В порядке историографического дополнения хочется обратить внимание авторов на медиевистские исследования В.И. Герье («Средневековое мировоззрение, его возникновение и идеал», «Зодчие и подвижники “Божьего царства”» и др.), рассматривавшего в своих работах связь политической практики европейского Средневековья с религиозными представлениями⁵. Разработанное им направление, которое сегодня именуют историей идей, может служить хорошим содержательным и методологическим подспорьем современным исследователям.

К числу собственно философских работ следует отнести статью В.Н. Смирнова «Метафора органического как принцип понимания общества в философии славянофилов». Закономерно, что генеалогию «метафоры органического», трактуемой «как принцип понимания», автор ожидаемо выводит из учения немецких романтиков, в частности философии Гегеля, Шеллинга, духовно окормляющих это течение в истории русской философии. Здесь все традиционно, начиная от персоналий (К. Аксаков, И. Киреевский, А. Хомяков, В. Ламанский) и заканчивая предсказуемым выводом: «Метафора органического, пришедшая из немецкой романтической культуры, стала одним из наиболее повторяемых образов славянофильского дискурса; вероятно, в значительной степени благодаря влиянию славянофильства этот образ получил хождение во всей русской общественно-политической мысли» (с. 46). В таком же философском аналитическом ключе выполнены работы, посвященные анализу воззрений В.С. Соловьева. Статья В.А. Куприянова «Проблема обоснования права на революцию в политической философии Дж. Локка и И.Г. Фихте», которой открывается третья глава «Идея революции в русской мысли и ее истоки», примечательна тем, что ее выводы напрямую с «идеей революции в русской мысли» не соотносятся. Вероятно, читатель, познакомившись с ней, должен прийти к выводу, что

⁵ См.: Малинов А.В., Погодин С.Н. Владимир Иванович Герье. СПб.: РХГА, 2010. С. 286–301 [4].

посредством философии Дж. Локка и И. Фихте был осуществлен философский трансфер концептов «империя» и «революция» из зарубежной философии в отечественную.

Четвертая глава «Петр I и попытка осуществить идеальную модель империи в России: реальность и символические отражения» включает статьи И.Ю. Матвеевой «Образ Медного всадника и формирование имперского мифа в русской литературе XVIII – начала XX века», «Петр I и Пугачев: зарождение идеи “народной империи” в творчестве А.С. Пушкина», В.Н. Смирнова «Карл Великий и Петр Великий: идея христианской империи в немецком романтизме и русской общественной мысли первой половины XIX века» и А.В. Малинова «Образ Петра I в учении петербургских славянофилов», в которых сделан акцент на осмыслении роли Петра I в истории России. Неоспоримо, что Россия и Петр I как логически, так и исторически эквивалентны. Предсказуемо рядоположение Петра Великого и Карла Великого в статье В.Н. Смирнова: оба творцы империи, соответственно, Каролингов и Романовых. Сопряжение Петра I и Пугачева в статье И.Ю. Матвеевой вызывает интеллектуальный протест, ведь они антиподы: один созидал империю, второй стремился ее разрушить, один был провозглашен императором, другой – самозванец. Однако в статье автор последовательно проводит мысль, что есть два лика (образа) монархии: имперский (государственный) и народный. Отсюда вывод И.Ю. Матвеевой: «Именно поэтому Пушкин выдвигал весьма смелую мысль о соединении в одном лице наследного императора и народного вожака, принимающего титул царя по воле народа» (с. 264). Статья А.В. Малинова «Образ Петра I в учении петербургских славянофилов» затрагивает традиционную проблему идейно-духовного размежевания (раскола) между западниками и славянофилами в контексте их взглядов (текстов, публицистики) на первого российского императора. В статье рассматриваются точки зрения К.Н. Бестужева-Рюмина, В.И. Ламанского и О.Ф. Миллера⁶. Реформаторская деятельность Петра I явилась не только главным маркером раскола российской истории, трагической разорванности культуры и социума последних трех столетий, но «и одной из вех национально-культурного самосознания», поскольку образ русского правителя выступает «одной из опор исторической памяти» (с. 280–281). Заметим, что в усмотрении в государственно-политической и законотворческой деятельности Петра I замысла идеальной империи есть некоторое преувеличение. Петр I был утилитаристом и прагматиком. В.О. Ключевский приводит красноречивое высказывание Петра I (в передаче А.И. Остермана): «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повер-

⁶ Надо заметить, что все разделы, написанные А.В. Малиновым, посвящены, прежде всего, различным аспектам и контекстам учения В.И. Ламанского и дополняют материалы, опубликованные в монографии 2020 г. (см.: Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с. [5]). См. об этом: Михайлова Е.Е. Диалог культур Запада и Востока в рецепции петербургского мыслителя рубежа XIX–XX веков В.И. Ламанского // Диалог со временем. 2022. № 78. С. 418–426 [6].

нуться задом» [7, с. 196]. Трудно разглядеть идеал в том, как Петр I проводил реформы. Сомнительно, что у него был ясный замысел, что он задумывался об их последствиях. В. Вейдле о деятельности Петра писал: «Он воспитывал мастеровых, а воспитал Державина и Пушкина» [8, с. 311].

Аналитика империи и революции продолжается в главе пятой «Византийские основания российской государственности». В качестве интеллектуального закоперщика здесь вновь выступает И.И. Евлампиев со статьей «Византизм как проблема русской философии». Название указывает на духовно-культурную сложность феномена «византизма», традиционно интеллектуально-бередящего непроясненные вопросы и нерешенные проблемы генезиса российской государственности. Статьи, входящие в пятую главу, вновь обращаются к проблеме цивилизационной и государственной идентичности России. Однако тексты пятой главы почти лишены интеллектуальной интриги, предлагаемые интерпретации вполне традиционны. В отечественной историографии давно сложился своеобразный консенсус относительно трех рецепций («волн влияния»), которые испытала российская государственность: византийской (духовной), монгольской (управленческой) и европейской (технологической), в совокупности своей предопределивших цивилизационную самобытность России. Синтез исторического и философского дискурсов представляет статья А.В. Малинова «В.И. Ламанский и истоки “русского византизма”», в которой представлена генеалогия «русского византизма», прибавляющая к знаковым, широко известным К.Н. Леонтьеву и Н.Я. Данилевскому В.И. Ламанского, сформулировавшего учение «о трех цивилизационных мирах – романо-германском, азиатском и греко-славянском, или среднем» (с. 317–339), что, конечно, делает историю происхождения «русского византизма» более выпуклой и объемной.

В пятую главу «Идея империи и идея революции в русской философии и культуре XIX–XX веков» и шестую главу «Россия и Запад: споры о цивилизационном превосходстве» входят тексты, фундированные темой (проблемой) цивилизационной идентичности России. С одной стороны, содержание входящих в нее статей воспроизводит классический нарратив, уходящий корнями к «России и Европе» Н.Я. Данилевского⁷, а с другой – отражающий доминирующие мотивы всей монографии и предпочтения ее авторов: от дескриптивного описания к модельно-идеальному (эссенциалистскому) и модальному (оценочному). Например, раздел И.И. Евлампиева «Русская философия об исторической обреченности либеральной цивилизации» ожидаемо формулирует традиционный тезис о цивилизационной исчерпанности Запада. В более аналитическом ключе написаны три статьи Р.В. Светлова «От “внеисторичности” к “всевременности”: слабость и сила русской цивилизации», «Империя и Россия: версии К.Н. Леонтьева и О. Шпенглера», «Непредсказуемость судьбы России в историософии К.Д. Кавелина». В них нет

⁷ См.: Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 216 с. [9].

привычного и льстящего русскому национальному самолюбию визионерства и мессианства, а есть вдумчиво-фактическое обоснованное исследование, без дифирамбов по адресу своей и инвективов в адрес другой цивилизационной идентичности. Такая отстраненность, позиция венаходимости позволяет выбрать максимально точную интонацию, например: «Потерянность перед вызовами истории была характерна для нашей мысли, быть может, в большей степени, чем для других национальных философий последних трех веков. Наглядный пример здесь дает первое философическое письмо П.Я. Чаадаева и реакция русского общества на его публикацию в 1836 году» (с. 379). Сюжеты, затрагиваемые в этих статьях, конечно, уже неоднократно обсуждались в историографии, в том числе и на страницах журнала «Соловьёвские исследования»⁸. Обращение к исследовательской литературе позволило бы скорректировать некоторые оценки и дополнить формулировки.

Обращение к двум полюсам русской истории – империи и революции – и тяготеющим к ним видам философской рефлексии позволяет отчасти дезавуировать многократно предъявляемую к философии претензию в ее бесполезности. Авторы монографии, казалось бы, услышали призыв Б.И. Пружинина: «Заниматься только прошлым русской философии сегодня уже недостаточно – полноценное восстановление отечественной интеллектуальной традиции требует внимательного отношения к контексту ее формирования и актуализации, соотнесения с современной философской проблематикой» [11, с. 117]. Если следовать только количественному критерию, то идея империи явно побеждает в споре об актуальности идею революции. Преобладающая часть текстов монографии посвящена империи.

В заключение отметим, что работы, притязавшие на тематическую широту и проблемную глубину анализа, сталкиваются с дилеммой, характерной для всех коллективных монографий, которую можно обозначить как моно- и полиавторство. Как сочетать коллективность авторства с монологической проблематикой исследования? Иными словами, либо над текстом работает автор-эрудит, способный к анализу проблемы с разных точек зрения и дискурсивно-аргументативных практик (истории, философии, культурологии, политологии), либо текст является плодом самостоятельного творчества нескольких авторов, на деле отражающего профессиональную специализацию (интерес) каждого. Блестящий образчик первого (правда в литературе) являет «поздний» И.А. Бунин. В его «Темные аллеи» вошли тексты, написанные в разных жанрах (рассказ, новелла, «стихотворение в прозе»). В отношении анализа концептов «империя» и «революция» такой вариант едва ли возможен. Наверное, это и объясняет неизбежность коллективного авторства, что, однако, дробит восприятие, мозаичность дискурса создает помехи в формировании целостного представления. Взятая по отдельности, каждая статья решает свою локальную задачу и представляет интерес, но

⁸ Естественно, писать о В.С. Соловьёве, игнорируя публикации в профильном журнале, является фактом непрофессионализма. Но, как показывает аналитический обзор, в «Соловьёвских исследованиях» был опубликован большой объем материалов о славянофилах (см.: Максимов М.В. Славянофильская проблематика в публикациях журнала «Соловьёвские исследования» // Филологический полилог. 2023. № 1. С. 139–154. <https://doi.org/10.31119/phlog.2023.1.197> [10]).

все вместе они не образуют единого смыслового целого. Складывается впечатление, что «идея империи» и «идея революции» в названии монографии играют роль «зонтичного термина», дающего возможность собрать разных авторов, специализирующихся в разных областях гуманитарного знания (политология, философия, история, культурология). Монография также страдает давним грехом многих историко-философских исследований: цитация в ней порой выходит за границы своего прямого использования – поддержки и усиления тезиса, превращаясь в лайфхак для «расширения» и «уплотнения текста». Впрочем, может статься, что собранные под одной обложкой тексты – всего лишь пролегомены к дальнейшему более глубокому и предметному изложению. И это интригует и продлевает «контракт читательских ожиданий».

Список литературы

1. Идея империи и идея революции в русской философии и культуре XIX–XX веков: коллективная монография / отв. ред. И.И. Евлампиев. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. 420 с.
2. Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье: материалы конференции – «круглого стола» / Б.И. Пружинин, Н.И. Бендерский, О.В. Воробьева и др. // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 24–61.
3. Дискуссия «Проблемы преподавания истории русской философии в высшей школе» / К.М. Антонов, В.В. Ванчугов, Н.И. Герасимов и др. // Отечественная философия. 2023. Т. 1, № 2. С. 29–73. DOI: 10.21146/2949-3102-2023-1-2-29-73.
4. Малинов А.В., Погодин С.Н. Владимир Иванович Герье. СПб.: РХГА, 2010. 400 с.
5. Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 560 с.
6. Михайлова Е.Е. Диалог культур Запада и Востока в рецепции петербургского мыслителя рубежа XIX–XX веков В.И. Ламанского // Диалог со временем. 2022. № 78. С. 418–426.
7. Хардт М., Негр А. Империя. М.: Практикс, 2004. 440 с.
8. Вейдле В.В. Три России // Современные записки. 1938. Кн. 65. С. 304–322.
9. Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность / отв. ред. В.В. Сидорин. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 216 с.
10. Максимов М.В. Славянофильская проблематика в публикациях журнала «Соловьёвские исследования» // Философский полилог. 2023. № 1. С. 139–154. <https://doi.org/10.31119/phlog.2023.1.197>
11. Русская философия в современном мире: контексты актуальности: материалы «круглого стола» / Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина, С.И. Дудник и др. // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 116–138.
12. Евлампиев И.И. Идея всемирной империи культуры в воззрениях В.С. Соловьёва и в русском общественно-политическом сознании XIX века // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 1(77). С. 80–96. DOI: 10.17588/2076-9210.2023.1.080-096.
13. Евлампиев И.И., Шахова Д.С. Русские критики либеральной цивилизации и современность // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2022. № 2(12). С. 11–26. <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.175>
14. К 200-летию Н.Я. Данилевского. Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность: материалы круглого стола / А.В. Смирнов, О.Н. Данилевская, В.В. Сидорин и др. // Философский полилог. 2022. № 2. С. 101–150. DOI: 10.31119/phlog.2022.2.181.
15. Куприянов В.А. Проблема обоснования права на революцию в политической философии Дж. Локка и И.Г. Фихте // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции: материалы II Междунар. науч. конф. / отв. ред. О.Н. Ноговицин. СПб.: РХГА, 2022. С. 213–221. DOI: 10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022.18. Источник: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=11952>

16. Малинов А.В. «Римская идея» в цивилизационной концепции В.И. Ламанского // Вопросы философии. 2023. № 2. С. 155–166. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-2-155-166>
17. Малинов А.В. В.И. Ламанский и истоки «русского византизма» // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 100. С. 67–87. DOI: 10.15382/sturf2022100.67-87.
18. Малинов А.В. Восточный вопрос в политико-географическом учении В.И. Ламанского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38, вып. 4. С. 594–611. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.413>
19. Малинов А.В. Образ Петра I в учении петербургских славянофилов // Кунсткамера. 2022. № 2. С. 11–33. DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-18-34.
20. Смирнов В.Н. Карл Великий и Петр Великий: идея христианской империи в немецком романтизме и русской общественной мысли первой половины XIX века // Кунсткамера. 2022. № 2(16). С. 6–17. DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-6-17.
21. Смирнов В.Н. Метафора органического в славянофильстве // Философский полилог. 2023. № 1. С. 24–36. <https://doi.org/10.31119/phlog.2023.1.187>

References

(Sources)

Collected Works

1. Evlampiev, I.I. (red.) *Ideya imperii i ideya revolyutsii v russkoy filosofii i kul'ture XIX–XX vekov* [The Idea of Empire and the Idea of Revolution in Russian Philosophy of Culture of the XIX–XX centuries]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RCHGA, 2023. 420 p.
2. Sidorin, V.V. (red.) *Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'* [The Creative Heritage of N.Ya. Danilevsky: History and Modernity]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2024. 216 p.

Individual Works

3. Khardt, M., Negr, A. *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praksis, 2004. 440 p.
4. Kupriyanov, V.A., Malinov, A.V. *Akademik V.I. Lamanskiy. Materialy k biografii i nauchnoy deyatel'nosti* [Academician V.I. Lamansky. Materials to biography and scientific activity]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2020. 560 p.
5. Malinov, A.V., Pogodin, S.N. *Vladimir Ivanovich Ger'e* [Vladimir Ivanovich Guerrier]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2010. 400 p.

(Articles from Scientific Journals)

6. Antonov, K.M., Vanchugov, V.V., Gerasimov, N.I., Zabelin, K.V., Malinov, A.V., Maslin, M.A., Porus, V.N., Sidorin, V.V., Teslya, A.A., Chervyakov, N.A., Shindyapin, A.V., Shpakovskiy, M.V. Diskussiya «Problemy prepodavaniya istorii russkoy filosofii v vysshey shkole» [Discussion “Problems of Teaching the History of Russian Philosophy in Higher School”], in *Otechestvennaya filosofiya*, 2023, vol. 1, no. 2, pp. 29–73. DOI: 10.21146/2949-3102-2023-1-2-29-73.
7. Evlampiev, I.I. Ideya vseмирnoy imperii kul'tury v vozzreniyakh V.S. Solov'eva i v russkom obshchestvenno-politicheskom soznanii XIX veka [The idea of the world empire of culture in the views of V.S. Soloviev and in the Russian social and political consciousness of the XIX century], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 1(77), pp. 80–96. DOI: 10.17588/2076-9210.2023.1.080-096.
8. Evlampiev, I.I., Shakhova, D.S. Russkie kritiki liberal'noy tsivilizatsii i sovremennost' [Russian critics of liberal civilisation and modernity], in *Filosofskiy polilog*, 2022, no. 2(12), pp. 11–26. <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.175>
9. Maksimov, M.V. Slavyanofil'skaya problematika v publikatsiyakh zhurnala «Solov'evskie issledovaniya» [Slavophilic problematics in the publications of the journal “Soloviev Studies”], in *Filosofskiy polilog*, 2023, no. 1, pp. 139–154. <https://doi.org/10.31119/phlog.2023.1.197>

10. Malinov, A.V. Vostochnyy vopros v politiko-geograficheskom uchenii V.I. Lamanskogo [Oriental question in the political-geographical doctrine of V.I. Lamansky], in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 2022, vol. 38, issue 4, pp. 594–611. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.413>

11. Malinov, A.V. V.I. Lamanskiy i istoki «russkogo vizantizma» [Lamansky and the Origins of “Russian Byzantism”], in *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 2022, issue 100, pp. 67–87. DOI: 10.15382/sturI2022100.67-87.

12. Malinov, A.V. Obraz Petra I v uchenii peterburgskikh slavyanofilov [The image of Peter the Great in the teachings of the St Petersburg Slavophiles], in *Kunstkamera*, 2022, no. 2, pp. 11–33. DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-18-34.

13. Malinov, A.V. «Rimskaya ideya» v tsivilizatsionnoy kontseptsii V.I. Lamanskogo [“Roman idea” in the civilisation concept of V.I. Lamansky], in *Voprosy filosofii*, 2023, no. 2, pp. 155–166. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-2-155-166>.

14. Mikhaylova, E.E. Dialog kul'tur Zapada i Vostoka v retseptsii peterburgskogo myslitelya rubezha XIX–XX vekov V.I. Lamanskogo [Dialogue of cultures of the West and the East in the reception of the Petersburg thinker of the turn of the XIX–XX centuries V.I. Lamansky], in *Dialog so vremenem*, 2022, no. 78, pp. 418–426.

15. Pruzhinin, B.I., Benderskiy, I.I., Vorob'eva, O.V., Dolgova, E.A., Malinov, A.V., Mikeshina, L.A., Motovnikova, E.N., Ol'khov, P.A., Khvostova, K.V. Filosofsko-metodologicheskie proekty russkikh istorikov i sovremennye problemy metodologii istoricheskogo poznaniya. K 180-letiyu V.I. Ger'e: materialy konferentsii – «kruglogo stola» [Philosophical and Methodological Projects of Russian Historians and Modern Problems of Methodology of Historical Cognition. To the 180th anniversary of V.I. Guerrier. Proceedings of the conference – “round table”], in *Voprosy filosofii*, 2017, no. 9, pp. 24–61.

16. Pruzhinin, B.I., Shchedrina, T.G., Dudnik, S.I., Kuznetsov, N.V., Ermichev, A.A., Gryakalov, A.A., Malinov, A.V., Sokolov, E.G., Savchuk, V.V., Kamnev, V.M., Osipov, I.D. Russkaya filosofiya v sovremenom mire: konteksty aktual'nosti. Materialy «kruglogo stola» [Russian philosophy in the modern world: contexts of relevance. Proceedings of the round table], in *Voprosy filosofii*, 2017, no. 4, pp. 116–138.

17. Smirnov, A.V., Danilevskaya, O.N., Sidorin, V.V., Malinov, A.V., Fetisenko, O.L., Vorozhikhina, K.V., Berdnikova, A.Yu., Teslya, A.A., Bazhov, S.I., Ermishina, K.B. K 200-letiyu N.Ya. Danilevskogo. Tvorcheskoe nasledie N.Ya. Danilevskogo: istoriya i sovremennost'. Materialy kruglogo stola [To the 200th anniversary of N.Y. Danilevsky. Creative heritage of N.Ya. Danilevsky: history and modernity. Materials of the round table], in *Filosofskiy polilog*, 2022, no. 2, pp. 101–150. <https://doi.org/10.31119/phlog.2022.2.181>

18. Smirnov, V.N. Karl Velikiy i Petr Velikiy: ideya khristianskoy imperii v nemetskom romantizme i russkoy obshchestvennoy mysli pervoy poloviny XIX veka [Charlemagne and Peter the Great: the Idea of Christian Empire in German Romanticism and Russian Public Thought of the First Half of the XIX Century], in *Kunstkamera*, 2022, no. 2(16), pp. 6–17. DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-6-17.

19. Smirnov, V.N. Metafora organicheskogo v slavyanofil'stve [Metaphor of the organic in Slavophilism], in *Filosofskiy polilog*, 2023, no. 1, pp. 24–36. <https://doi.org/10.31119/phlog.2023.1.187>

20. Veydle, V.V. Tri Rossii [Three Russias], in *Sovremennye zapiski*, 1938, book 65, pp. 304–322.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

21. Kupriyanov, V.A. Problema obosnovaniya prava na revolyutsiyu v politicheskoy filosofii Dzh. Lokka i I.G. Fikhte [The Problem of Justification of the Right to Revolution in the Political Philosophy of J. Locke and I.G. Fichte], in *Vizantiya, Evropa, Rossiya: sotsial'nye praktiki i vzaimosvyaz' dukhovnykh traditsiy. Arkhiv konferentsii. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Byzantium, Europe, Russia: Social Practices and Interrelation of Spiritual Traditions. Conference Archive. Proceedings of the Second International Scientific Conference]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022, pp. 213–221. DOI: 10.19181/conf.978-5-89697-406-2.2022.18.